

СМЕРТЬ/БЕССМЕРТИЕ: К ВОПРОСУ О СМЕРТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

С.В. Ряполов

Аннотация. Тема смерти в русской философии занимает одно из центральных мест. Мы рассматриваем проблему смерти с этической точки зрения, поскольку с позиции русской философии смерть показывается как проявление зла. И соответственно, одной из важнейших сторон этого вопроса является диалектика смерти и бессмертия в русской философии. Проблематика исследования рассматривается в контексте обращения к философскому наследию Н.Ф. Федорова и архимандрита Феофана (Авсенева). Тема исследования является актуальной и не до конца изученной, несмотря на ее значение в русской философской культуре.

Ключевые слова: история русской философии, этика, смерть, бессмертие, преодоление смерти, архимандрит Феофан (Авснев), Н.Ф. Федоров, Л.Н. Толстой.

DEATH/IMMORTALITY: ABOUT THE QUESTION OF THE DEATH IN RUSSIAN PHILOSOPHY

S.V. Ryapolov

Abstract. The theme of death in Russian philosophy takes a central place. The problem of death is considered from the ethical point of view. From the standpoint of Russian philosophy death is shown as a manifestation of evil. And, accordingly, one of the most important aspects of this issue is the dialectic of death and immortality in Russian philosophy. The problem of death in the paper is considered in the context of the philosophical heritage of Nikolay Fedorov and Archimandrite Feofan (Avsenev). The topic of the research is up-to-date and not fully explored, despite its importance in the Russian philosophical culture.

Keywords: history of Russian philosophy, moral philosophy, death, immortality, overcoming of death, archimandrite Theophan (Avsenev), N. Fedorov, L. Tolstoy.

Вопрос о смерти в русской философии, а шире, во всей русской философской культуре¹ занимает, пожалуй, исключительное и одно из центральных мест. В построениях всех русских мыслителей, внесших нечто значимое в историю культуры, обнаруживается обращение к вопросу о смерти. Это не случайно. «Музыкой смерти переполнен космос нашей культуры» [Исупов, 1994, с. 112]. Не является исключением в этом смысле и современная российская культура. С темой смерти связана и метафизика пространства, развиваемая в работах ряда русских философов: архимандрита Феофана (Авсенева), Николая Александровича Бердяева, Ивана Александровича Ильина и др.

Ильин отмечает, что «русский мир жил и рос в пространственных просторах и сам тяготел к просторной нестесненности» [Ильин, 2007, с. 113]. Бескрайность русского пространства укутывается в бесконечность русской зимы, образуя совершенно особенную культуру, в которой проявилось это «соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной» [Бердяев, 2008, с. 14]. Заснеженное пространство белой зимы отражается «в медлительной плавности и певучести русской речи, в русской походке и жестике, в русской одежде и пляске, в русской пище и русском быту» [Ильин, 2007, с. 113]. Возможно, именно в философии зимы и можно обнаружить попытку выразить основание русской культуры. Но с зимой связано не только обращение к теме смерти и умирания. Зима проходит через Рождество, подтверждая победу жизни над смертью.

В.В. Варава отмечает, что «русской культуре свойственна замороженность Танатосом не в меньшей мере, чем Эросом» [Варава, 2000, с. 35]. Характерное для русской культуры обращение к смерти открывается в том числе и в «религии земли» [Бердяев, 2008, с. 18], в связи с сырой, мягкой, мистической почвой, из которой человек взят и в которую возвратится (Быт., 3–19). Однако замороженность смертью вовсе не означает ее приятие. В опубликованной в 1869 г. в Киеве работе архимандрита Феофана (Авсенева) «Из записок по психологии» есть строчка: «Смерть есть величайшее из всех бедствий, какие только постигают несчастный род человеческий; она совмещает в себе все те болезни, потери и унижения, какие в течение жизни поражают душу и тело порознь: самый неустрашимый дух встречается ее всегда с трепетом» [Авсенев, 1869, с. 220].

Именно восприятие смерти как наивысшего проявления зла делает вопрос о смерти в русской философии вопросом этики. Светлана Григорьевна Семенова отмечает: «Русская душа особенным образом уязвлена фактом смертного конца человеческой жизни; ее глубиннейшая метафизика есть *метафизика смерти*» [Семенова, 1994, с. 265]. Уязвленность осознанием смертности переполняет душу человека черным отчаянием. Действительно, если жизнь прерывается неотвратимой

¹ Под «русской философской культурой» в данном случае понимаются как собственно философия, так и философское содержание в русской литературе, публицистике, искусстве и т. д.

смертью, то для чего нужна такая жизнь, какой в ней смысл? Человек умирает, не зная, почему и для чего он умирает. Неминуемость смерти как метафизический вопрос с неизбежностью возникает в философии, и ответить на него можно лишь заглянув в смерть. Потому русская философская культура обращается к смерти, будто бы стремясь до конца постигнуть ее. Только через осознание своей собственной смертности и в ответе на вопрос, почему и для чего человек умирает, возможно возвращение к жизни. Не потому ли в стихах А. Т. Прасолова есть строчка: «И смерть провозгласит рождение» [Прасолов, 2010, с. 26]?

Тем не менее невозможность примириться с неотвратимостью смерти, восприятие смерти как наивысшего проявления зла проявляются в неприятии зла, а соответственно, в неприятии смерти. Бессмертие в таком смысле становится желаемым состоянием. Достижение бессмертия означает преодоление смерти, а таким образом, и преодоление всякого зла, раз смерть выступает его наивысшим проявлением. Пожалуй, наиболее ярко и оригинально эта мысль выражена в «философии общего дела» русского религиозного философа, представителя философии русского космизма Николая Федоровича Федорова.

По Федорову, смерть может быть преодолена только посредством достижения телесного бессмертия. Как уже отмечалось, смерть понимается в данном случае как наивысшее проявление зла, как, выражаясь словами о. Сергия Булгакова, проявление «болезни бытия», то есть недолжного его состояния, которое может быть преодолено. Потому, как отмечает Ф. И. Гиренок, «смерть не условие жизни. Смерть – проблема истории, а не космоса» [Гиренок, 1990, с. 8]. Преодоление смерти, по Федорову, возможно лишь объединенным усилием всего человечества, победившим зло «небратского», «неродственного», «немирного» состояния. Отсюда и представление об «общем деле» всего человечества. Такое человечество лишено всякой вражды и разделения.

Однако преодоление разделения и разрыва внутри человечества было бы неполным, если бы преодоление смерти не предполагало бы не только достижение бессмертия, но и воскрешение умерших. Идея «воскрешения отцов» и расселения человечества в космосе является, по сути, центральной в философской системе Н. Ф. Федорова. Об этом очень точно пишет Борис Гройс: «Социализм обещал доведенную до совершенства социальную справедливость. Но социализм также отождествлял это свое обещание с верой в прогресс. Эта вера подразумевает, что только будущим поколениям, которые будут жить в новом социалистическом обществе, будет дарована социальная справедливость. <...> Таким образом, будущие поколения смогут наслаждаться социалистической справедливостью только за счет циничного признания вопиющей исторической несправедливости: исключения прошлых поколений из царства справедливости. Таким образом, социализм предстает как эксплуатация мертвых в пользу живых – и как эксплуатация ныне живущих в пользу тех, кто будет жить после них. Поэтому социалистическое общество нельзя назвать справедливым: ведь оно основано на дискриминации прошлых поколений в пользу будущих» [Гройс, 2015, с. 9–10].

Все же, если говорить о человечестве, лишенном всякого разделения, то в данном случае, тем не менее, имеет место быть потенциальная опасность разделения на тех, кто умер и был воскрешен, «воскрешенных отцов», и тех, кто воскрешал, достигнув бессмертия человечество. Следует предположить, что для преодоления этого потенциального разрыва внутри человечества на имеющих опыт смерти и его не имеющих, последователи «философии общего дела» должны акцентировать внимание на необходимости переживания опыта смерти для всего человечества. В данном случае речь идет о первоначальном воскрешении умершего человечества и уже последующей смерти и воскрешения «отцами» тех, кто до этого воскрешал их.

С другой стороны, возникает вопрос о справедливости возвращения к жизни мертвых другими людьми помимо их воли. Тем не менее, как представляется, по Федорову, представление о смерти как о наивысшем проявлении зла и о необходимости ее преодоления отмечает подобные вопросы. С.Г. Семенова отмечает: «Ценностная вершина философской системы, ее высшее благо, вздымается к сфере идеально-должного, попирая ее высшее зло. В учении "общего дела" высшим злом предстает сам существующий онтологический статус человека и природы, мироздания вообще, которое подвержено закону конечности и смертности. Для Федорова все те конкретные формы зла, от которых страдает сам человек, входят в кортеж главного врага – смерти» [Семенова, 1990, с. 147]. Нужно отметить, что идея «воскрешения отцов» была сформулирована в русской мысли уже до Федорова. Так, например, у Дмитрия Владимировича Веневитинова есть такие строки: «Между тем мысль о разрушении, об уничтожении так противоречит всем нашим чувствам, так убийственна для врожденной в нас любви к существованию, к устройству, что мы хоть памятью стараемся оживлять былое, вызываем из гроба тех героев человечества, в коих более отразилось чувство жизни и силы, и, с горестью собирая прах их, рассеянный крыльями времени, образуем новый мир и обещаем ему бессмертие. С этим миром бессмертия, с этим лучшим из наших упований сливаем мы все понятия о будущем» [Веневитинов, 2003, с. 138]. Идея воскрешения есть у Н.И. Пирогова, считавшего, что достижение способности воскрешать является наивысшей задачей, стоящей перед человечеством. В настоящее время тело Пирогова, забальзамированное Д.И. Выводцевым, помещено в застекленный саркофаг и захоронено в православной церкви-некрополе. К теме воскрешения обращался и друживший с Федоровым художник Л.Г. Соловьев.

Однако если рассматривать тему смерти, бессмертия и воскрешения вслед за Федоровым именно в религиозном направлении, то возникает некоторое недоумение, поскольку для любого верующего человека, по крайней мере, приверженца традиционного христианства, смерть предстает в некоторой двойственности. С одной стороны, смерть действительно воспринимается как результат расторжения связи творения с Творцом и поэтому воспринимается как следствие греха. Тем не менее собственно смерть и возвращает человека к Богу. Именно на это возвращение обратил внимание в своих произведениях Лев Николаевич Толстой. Его Иван Ильич в предсмертные минуты вопрошает: Где она? Какая смерть? «Страха никакого не было, потому что и смерти не было.

Вместо смерти был свет.

– Так вот что! – вдруг в слух проговорил он. – Какая радость!

Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа. В груди его kloкотало что-то; изможденное тело его вздрагивало. Потом реже и реже стало kloкотанье и хрипенье.

– Кончено! – сказал кто-то над ним.

Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. “Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше”.

Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер» [Толстой, 2010, с. 157].

Смерть, таким образом, становится желаема, поскольку за ней следует встреча с Богом. И в этом смысле ее действительно нет. И тут возникает вопрос: стремясь достигнуть для человечества бессмертия, не желает ли Федоров вместе с тем предотвратить встречу человека с Богом? Очевидно, что нет, поскольку достижение бессмертия и «воскрешение отцов» он связывает с христианскими представлениями о предстоящем конце времен. Единственное отличие модели будущего по Федорову от Откровения Иоанна Богослова в том, что Федоров не ждет второго пришествия Иисуса Христа, а полагает, что преодоление смерти возможно достигнуть силами человечества. Собственно, само апокалиптическое пророчество Федоров воспринимает не как неизбежную участь мира, а как лишь один из сценариев, наиболее худший, ведущий за собой воцарение антихриста. Однако если человечество сможет победить розни и связать себя «общим делом» продления смерти, то оно избежит событий, описанных в пророчестве Иоанна Богослова. Н.А. Бердяев замечает, что «Федорову принадлежит совершенно оригинальное истолкование апокалиптических пророчеств, которое можно назвать активным, в отличие от обычного пассивного истолкования. Он предлагает толковать апокалиптические пророчества как условные, чего еще никогда не делалось» [Бердяев, 2008, с. 214]. Из этих представлений Федорова рождается и ряд идей по преобразованию действительности, отразившихся в том числе и в своеобразной социальной модели, им предложенной.

Как уже было отмечено, русский философ выступает как решительный противник всякой вражды между людьми, мешающей осуществлению всеобщей задачи по преодолению смерти, поставленной перед человечеством. Потому Федорову чужд капитализм с его «небратскими» отношениями между людьми. Грехи капитализма, как представляется, по Федорову, связаны с самой сутью западноевропейской цивилизации. Им он противопоставляет своеобразный анархизм, построенный на «общем деле», труде, братском или родственном отношении между людьми, однако соединенный с представлениями о патриархальной монархии, которая не имеет отношения

к государству. Неудивительно, что влияние идей Федорова довольно явно прослеживается в советской культуре и идеологии, хотя и с определенными оговорками.

Смерть сама в себе заключает некоторый парадокс. Сколько бы человек не размышлял о смерти, она до сих пор остается главной тайной и загадкой для него, поскольку осознание своей смертности заставляет человека вопрошать о ней, и он в состоянии ответить на вопрос, как человек умирает, но не может ответить, почему и зачем. Мало того, любые слова, сказанные о смерти, будут недостаточными.

Со смертью связана и глубокая этическая противоречивость – быть одновременно злом и благом. Зачем жизнь, если она связана неизбежной конечностью? Разве не теряет такая жизнь всякий смысл? Одновременно с тем и жизнь, лишённая конечности, перестает нести в себе какую-либо ценность. В то время как именно осознание своей смертности вызывает в человеке смысложизненную рефлексию. В.В. Варава справедливо отмечает: «Жизнь невозможно постичь из самой жизни. Жизнь сама по себе, “жизнь как жизнь” представляет собой бесконечно-однородную витальную субстанцию, не содержащую никаких намеков на категории “цель”, “смысл”, “ценность”. Только в человеке, осознающем реальную границу бесмысленного витального потока, происходит телеологическая работа, и жизнь либо внезапно наполняется высочайшим смыслом и ценностью, либо, столь же внезапно, теряет их» [Варава, 2005, с. 126]. И потому вопрос о смерти так волнует ум. Потому он проникает в самую суть русской философии, в русскую литературу, искусство, саму жизнь. «Жить смертью», как это верно охарактеризовал В.П. Фетисов [Фетисов, 1995, с. 89].

Глубочайший парадокс смерти в том, что она ужасает, предстает перед человеком как вопиющая несправедливость, как наивысшее проявление зла, и вместе с тем смерть завораживает, влечет, дает надежду. Василий Васильевич Розанов точно сформулировал этот парадокс, назвав смерть высшей скорбью и высшей сладостью [Розанов, 1990, с. 570]. Это противоречие не может не волновать сердце человека, не может не быть проблемой для его совести, и потому обращение к вопросу о смерти входит в категорию тех самых «проклятых вопросов», которые никогда не теряют своей актуальности и требуют все нового и нового обращения к ним, особенно со стороны литературы, искусства, которые, как известно, выходят за рамки понятийного схватывания мира, а следовательно, могут попытаться выразить невыразимое – то, что вечно ускользает.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. *Самопознание: Сочинения*. М.: Эксмо, 2008. 640 с.

Варава В.В. Россия и Америка: два отношения к смерти // *Воронежская беседа*. 2000. С. 32–46.

- Варава В.В. Этика неприятия смерти. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2005. 237 с.
- Веневитинов Д.В. Утро, полдень, вечер и ночь // «С глаголом неба на земле» / сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2003. 351 с.
- Гиренок Ф.И. Русские космисты. М.: Знание, 1990. 62 с.
- Гройс Б. Русский космизм: биополитика бессмертия // *Русский космизм: Антология*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 6–29.
- Ильин И.А. О русской идее // Ильин И.А. *О русском национализме: сб. статей*. М.: Российский Фонд Культуры, 2007. 152 с.
- Исупов К.Г. Русская философская танатология // *Вопросы философии*. 1994. № 3. С. 106–114.
- Прасолов А.Т. Пройду по памятным могилам... // Прасолов А.Т. *Избранное* / вступ. ст. и сост. В.М. Акаткина. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2010. 432 с.
- Розанов В.В. Сочинения в двух томах. Т. 1. Религия и культура. М.: Правда, 1990. 640 с.
- Семенова С.Г. Николай Федоров: Творчество жизни. М.: Советский писатель, 1990. 383 с.
- Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994. 415 с.
- Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича // Толстой Л.Н. *Повести и рассказы*. М.: Дет. лит., 2010. С. 130–183.
- Феофан (Авсенеv) архимандрит. Из записок по психологии. Киев: Типография Киевского Губернского Управления, 1869. 246 с.
- Фетисов В.П. Философия морали. Воронеж: Квадрат, 1995. 117 с.

REFERENCES

- Berdjaev N.A. Russkaja ideja [The Russian idea], in: *Samopoznanie: Sochinenija*. Moscow: Jeksmo Publ., 2008. 640 p. (in Russian).
- Varava V.V. Rossija i Amerika: dva otnoshenija k smerti [Russia and the United States: two attitudes to death], in: *Voronezhskaja beseda*. 2000. P. 32–46 (in Russian).
- Varava V.V. *Jetika neprijatija smerti* [Ethics rejection of death]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. 237 p. (in Russian).
- Venevitinov D.V. Utro, polden', vecher i noch' [Morning, noon, evening and night], in: «S glagolom neba na zemle». Voronezh: Centr duhovnogo vozrozhdenija Chernozemnogo kraja, 2003. 351 p. (in Russian).
- Girenok F.I. *Russkie kosmisty* [Russian cosmists]. Moscow: Znanie Publ., 1990. 62 p. (in Russian).

Grojs B. Russkij kosmizm: biopolitika bessmertija [Russian cosmism: the biopolitics of immortality], in: *Russkij kosmizm. Antologija*. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. P. 6–29 (in Russian).

Il'in I.A. O russkoj idee [About Russian idea], in: *O russkom nacionalizme*. Moscow: Rossijskij Fond Kul'tury, 2007. 152 p. (in Russian).

Isupov K.G. Russkaja filosofskaja tanatologija [Russian philosophical thanatology], in: *Voprosy filosofii*. 1994. № 3. P. 106–114 (in Russian).

Prasolov A.T. Projdu po pamjatnym mogilam... [Walk through the memorial tombs...], in: *Izbrannoe*. Voronezh: Centr duhovnogo vozrozhdenija Chernozemnogo kraja, 2010. P. 432 (in Russian).

Rozanov V.V. *Religija i kul'tura* [Religion and culture]. Moscow: Pravda Publ., 1990. T. 1. 640 p. (in Russian).

Semenova S.G. *Nikolaj Fedorov: Tvorcestvo zhizni* [Nikolai Fyodorov: the creation of life]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1990. 383 p. (in Russian).

Semenova S.G. *Tajny Carstvija Nebesnogo* [The Mysteries of the Kingdom of Heaven]. Moscow: Shkola-Press, 1994. 415 p. (in Russian).

Tolstoj L.N. Smert' Ivana Il'icha [Death of Ivan Ilyich], in: *Povesti i rasskazy*. Moscow: Detskaya literatura Publ., 2010. P. 130–183 (in Russian).

Feofan (Avsenev) arhimandrit *Iz zapisok po psihologii* [From the notes on psychology]. Kiev: V Tipografii Kievskogo Gubernskogo Upravlenija, 1869. 246 p. (in Russian).

Fetisov V.P. *Filosofija morali* [The philosophy of morality]. Voronezh: Kvadrat Publ., 1995. 117 p. (in Russian).